

Пожелавший покоемся

РАННИЕ ЕГО СТИХИ 20-х ГОДОВ ИЗ КНИГИ "СТОЛБЦЫ" казались мне произошедшими от живописи и рисунка, от Босха, Дюрера, Калло и Гойи:

*Из-за облака сирена
Ножку выставила вниз.
Людоед у джентльмена
неприличное отгрыз.
Ведьма, сев на трюгольник,
превращается в дымок.
С лешачихами покойник
стройно пляшет кек-уок...*

В начале 30-х появились тяжёлые, влачащиеся пятастоппные ямбы "Лодейникова":

...над садом

*Шёл смутный шорох тысячи смертей.
Природа, обернувшаяся адом,
свои дела вершила без затей.
Жук ел траву, жука клевала птица,
хорёк пил мозг из птичьей головы,
и страхом перекошенные лица
ночных существ смотрели из травы...*

И совсем дюреровским рисунком был "Ночной сад":

*Железный Август в длинных сапогах
Стоял вдали с большой тарелкой дичи,
И выстрелы гремели на лугах,
И в воздухе мелькали тельца птичьи...*

СЫН ВЯТСКОГО АГРОНОМА 17-ЛЕТНИМ ПОДРОСТКОМ пришёл в Москву – учиться. Московская жизнь не заладилась, пришлось перебраться в Ле-

нинград. Тетрадки с аккуратно переписанными стихотворениями он возил на дне своего чемоданшишки с места на место.

Наружностью типичный неромантический "бухгалтер", круглолицый, русоволосый, рано вооружившийся круглыми очками, – Николай Заболоцкий в русской поэзии оказался уникалом. Он приближался к эстетике чинарей-обэриутов, был с ними близко знаком, но предпочёл пойти своим путём. Путь оказался, тем не менее, опасным. С 1938 по 1946 год Заболоцкий, как обтекаемо сообщали советские предисловия, *"был в Сибири и на Дальнем Востоке"*. Где именно он был и что там делал – догадаться нетрудно.

Чаша повторника (т.е. севшего второй раз за то, что сидел в первый) Заболоцкого миновала. За что многие потом попрекали его конформизмом и "советским классицизмом". Попрекавшие просто невнимательно читали стихи Заболоцкого. Не мог приспособленец написать такие строки:

*Так бей, звонарь, во все колокола!
Не забывай, что мир в кровавой пене.
Я пожелал покоиться в Равенне,
Но и Равенна мне не помогла.*

Десять лет Заболоцкий работал над переводом "Витязя в тигровой шкуре" Руставели. Знай великий Шота русский язык, он и сам не смог бы написать лучше.

На одной из своих последних фотографий улыбающийся Заболоцкий в полосатой пижаме смотрит из окна дачного домика. Смотрит почти не видящими глазами – туберкулёз глазного дна, последствие Сибири и Дальнего Востока.

Андрей Кротков